

Ю. Ю. КЛЫЧНИКОВ

РУССКО-СЕВЕРОКАВКАЗСКИЕ ОТНОШЕНИЯ СКВОЗЬ ПРИЗМУ РОССИЙСКОСТИ. ОСОБЕННОСТИ ИСТОРИЧЕСКОГО ПАРТНЁРСТВА

В статье на примере русско-северокавказских отношений рассматриваются вопросы выстраивания исторического партнёрства. Показаны разные стороны сотрудничества-соперничества (как факты взаимной симпатии, так и негативные стороны взаимоотношений), определившие облик этого многогранного межэтнического симбиоза. Оценивается роль государства, общества, индивидов в данном процессе. Выводы автора опираются на ретроспективный анализ с выходом на события современности.

Ключевые слова: государство, горцы, сотрудничество, соперничество, самосознание, конфликт, культура, коммуникация

В процессе обретения южных рубежей Российская империя включала в свой состав сложные в политическом и социокультурном отношении регионы, к числу которых, безусловно, можно отнести Северный Кавказ. Для его адаптации к нормам жизни в составе государства приходилось решать многочисленные проблемы, связанные с разработкой приемлемой модели управления, т.е. совершать усилия, которые должны были сделать этот край органичной частью общего державного пространства. Эти меры имели комплексный характер и достигались разными способами, включавшими как ненасильственные шаги, так и жёсткие силовые акции, нередко провоцируемые спецификой местных реалий и неблагоприятной внешнеполитической конъюнктурой. Всё это предопределило неоднозначность оценок русско-северокавказских отношений в историческом дискурсе.

Введённый в научный оборот В.Б. Виноградовым термин «российскость» не имеет устоявшейся трактовки¹. Сам исследователь впервые применил его, показывая прошлое Армавира: «единственным приоритетом в оценке истории складывания состава населения» этого города, «является приоритет российскости, российской государственной политики, которая державно охватывала и русских служилых солдат, и казаков, и армян, и любых других поселенцев в Армавире и его пригородах»². В дальнейшем данное понятие распространилось на процессы, протекавшие на всём Кавказе. В итоге «российскость» стала восприниматься как тенденция «к равноправному историческому партнерству народов под эгидой России, как великой евразийской державы, выполняющей интегрирующую роль в социальных, культурных, политиче-

---

¹ Виноградов 2006. С. 4-12.

² Виноградов 1993. С. 26.

ских и иных процессах внутри своей этносферы»³. Такая трактовка, поддержанная рядом специалистов, со временем перестала удовлетворять сторонников этой формулировки, в т.ч. и ее автора С.Л. Дударева. И то не случайно, так как формализация сложного социокультурного и политического явления, как правило, является протяжённым во времени процессом, в немалой степени зависящим от накапливаемых эмпирических данных. Предложенное в рамках грозненско-армавирской кавказоведческой школы в качестве научной гипотезы понятие в дальнейшем неоднократно претерпевало коррективы и дополнения, о чём свидетельствует сформировавшаяся историография⁴. И хотя единого определения не выработано до сих пор, основные идеи данного подхода успешно реализуются в ряде научных изысканий. В частности, на эту концепцию опираются обобщающие работы В.А. Матвеева, изучающего финальный этап существования Российской империи, и Н.Н. Гаруновой, занимающейся проблемой российской политики на Кавказе сквозь призму функционирования городов-крепостей⁵.

Термин «российскость» сочли удачным учёные, которые, не принадлежа к кавказоведческой Школе В.Б. Виноградова, считают возможным с его помощью формулировать собственные идеи. Так, для В.А. Никонова российскость стала квинтэссенцией «собственной сущности самой России» как «самодостаточного культурно-цивилизационного феномена»⁶. Неоднократно прибегал к этому термину и В.А. Тишков, который достаточно категорично замечает: «необходимо признать, что национальная идентичность, а значит, российская нация существует, а не есть просто мечта или задача для очередного “строительства”». Дальше отрицать и разрушать российскость недопустимо»⁷.

Таким образом, можно утверждать, что понятие оказалось востребованным, и предложить следующую авторскую формулировку: «российскость является историческим партнёрством, обусловленным необходимостью решения жизненно важных проблем, дающим сторонам этого процесса определённые конкурентные преимущества и осуществляющимся в рамках единого политического, экономического и культурного пространства, которое они при этом совместными усилиями формируют»⁸. Основывается оно на принципах «совместничества» – сотрудничества-соперничества между участниками данного процесса⁹. Носителями идей, правил и образа жизни российскости выступают гос-

³ Дударев 1994. С. 14.

⁴ Великая, 2007. С. 74-84; Дударев, 2014. С. 25-35 и др.

⁵ Матвеев, 2006; 2011; Гарунова, 2007.

⁶ Никонов, 2014. С. 921.

⁷ Тишков, 2013. С. 308.

⁸ Клычников 2011. С. 125.

⁹ Даль 1991. С. 255.

ударство, общество и отдельные индивиды, усилия которых дополняют друг друга, хотя это и не снимает периодически возникающих между ними противоречий в оценке и методах выстраиваемого диалога.

Особенностью российского варианта объединения стало межнациональное позиционирование культур при сохранении доминирующей роли русской культуры как принадлежащей государствообразующему этносу¹⁰. В результате формирующаяся «национальная идентичность предполагает присутствие у нации триединого чувства: 1) чувства общности исторического прошлого, коллективной веры в общность судьбы данной нации, 2) чувства общности настоящего и 3) чувства общности будущего»¹¹. В обществе потребность в таком подходе и его поддержка, при одновременном сохранении этнического начала, весьма высоки¹².

В отечественной и зарубежной историографии существуют и иные концепции русско-северокавказских отношений, которые, как правило, группируются вокруг оценки последствий для народов региона их вхождения в состав Российского государства. Отсюда либо муссирование негативных моментов в общем прошлом, либо увлечение положительными сторонами в возникших взаимоотношениях. Не имея возможности дать анализ всего массива литературы, который требует отдельного монографического исследования, акцентируем внимание лишь на некоторых вышедших в последнее время трудах, демонстрирующих многообразие современных подходов к этому вопросу.

Апокалиптическую картину русско-северокавказским отношениям даёт В.В. Гудаков, для которого они явились примером «неблагоприятного межэтнического контакта», губительного для народов региона¹³. На схожих позициях находится М. Ходарковский, утверждающий, что конечной целью российских властей была ассимиляция всех нерусских народов, а зарождение таковых «имперских амбиций России» относит к XV в.¹⁴ Этот подход характеризует русско-северокавказские связи сквозь призму кризисных периодов совместной истории, оценки событий которых переносятся и на другие этапы общего прошлого.

К числу работ, не столь однозначно трактующих события прошлого, относится коллективное издание, подготовленное в рамках проекта по истории окраин Российской империи и посвящённое непосредственно Северному Кавказу. Авторы положили в основу предлагаемой ими концепции идею фронта, творчески разработав и дополнив идеи Т.М. Баррета, и «стремились по возможности представить в ней сквоз-

---

¹⁰ Скорик, Цыбульникова, Гарунова 2014. С. 8.

¹¹ Муртузалиев 2011. С. 275.

¹² Скорик, Цыбульникова, Гарунова 2014. С. 46.

¹³ Гудаков, 2007. С. 8.

¹⁴ Ходарковский, 2016. С. 197, 200.

ные, релевантные и для других регионов темы пограничья-фронттира, колонизации, косвенного управления, ориентализма»¹⁵. Для американского ученого Северный Кавказ являлся приграничной, порубежной зоной с зыбкими границами, а «российское продвижение через Северный Кавказ было чем-то большим, чем просто завоевание»¹⁶. Однако такой эвристически продуктивный подход всё же оставляет за рамками исследования побудительные мотивы, определявшие как взаимный интерес, так и взаимное неприятие и даже неприязнь сторон межкультурной коммуникации. За кадром остаются обстоятельства, вынуждающие официальные власти действовать на этой территории «неопределённости», колеблясь от практики «ласканий» до применения жёстких «репрессалий» в отношении местных народов.

Перспективным представляется взгляд на проблему с позиции исторической имагологии, что даёт возможность изучить конкретно-исторические условия возникновения образов в общественном сознании и раскрыть новые грани в русско-сеveroкавказских отношениях¹⁷. Совместная деятельность предусматривает осуществление обоюдных усилий для достижения поставленной цели. В противном случае союз распадётся под грузом неблагоприятных внутренних и внешних факторов. В немалой степени предрасположенность к скоординированным усилиям зиждется на ментальной близости, когда существующие стереотипы и образ мышления, ценностные ориентации и установки как одного человека, так и общности людей совпадают по целому ряду параметров.

Возникший взаимный интерес первое время объяснялся общими усилиями по нейтрализации неблагоприятной внешнеполитической конъюнктуры. Так, необходимость противостоять Крымскому ханству и его сюзеру в лице Оттоманской Порты, угроза со стороны Персии толкали обе стороны навстречу друг другу. В процессе решения данной политической задачи происходило социально-экономическое и культурное сближение, в котором были заинтересованы все участники этого исторического диалога. На качественно новый уровень взаимное сближение выйдет с началом XIX века, когда после присоединения Грузии Российская империя должна будет предпринимать энергичные шаги по распространению своего контроля над Северным Кавказом. Здесь ей придётся столкнуться с весьма специфичным горским укладом, к числу особенностей которого относилась набеговая практика, ставшая камнем преткновения между империей и местными сообществами. Развернувшееся вооружённое противостояние ознаменовало тяжёлый кризис в русско-сеveroкавказских отношениях, который, впрочем, не стал фа-

---

¹⁵ Северный Кавказ, 2007. С. 15.

¹⁶ Барретт, 2007. С. 165.

¹⁷ Историческая наука сегодня... С. 403-418.

тальным тупиком и был преодолён, хотя и не без тяжёлых утрат для его участников. Даже в условиях военного противоборства имело место взаимное сближение, не лишённое обоюдной симпатии.

Психологический портрет русского жителя южного пограничья, который стоял у истоков выстраиваемого диалога, мы находим в отечественной литературе. В очерке М.Ю. Лермонтова «Кавказец» наиболее ярко были выделены особенности такого типа людей, которых автор мог наблюдать во время своей службы. Бросается в глаза, что «кавказец есть существо полурусское, полуазиатское; наклонность к обычаям восточным берёт над ним перевес»¹⁸. Таким он стал далеко не сразу, а лишь по прошествии долгих лет, проведённых в крае. За это время он не понаслышке узнал жизнь местных народов, причём каталлизатором межкультурного сближения явилась не только его дружба с «мирными» горцами, но и участие в сражениях с их «немирными» сородичами.

Война стала для её участников способом межкультурной коммуникации. И это не литературное преувеличение, а вполне реальная картина. Примером может служить описанный в мемуарах К.К. Бенкендорфа случай, когда «в одном селении, в базарный день, возникла ссора между чеченцами и апшеронцами; курийцы не преминули принять в ней серьёзное участие. Но кому пришли они на помощь? Конечно, – не апшеронцам! «Как нам не защищать чеченцев, – говорили курийские солдаты, – они наши братья, вот уже 20 лет как мы с ними дерёмся!»¹⁹.

Заинтересованность во взаимном сближении демонстрировали и горцы. Мухаммед Тахира ал-Карахи, который был представителем враждебной империи силы, описал эпизод, когда Гази-Мухаммед обращался к жителям Унцукуля со словами: «Я знаю, что многие из вас в душе не сочувствуют нам. Вам по-прежнему хотелось бы сбывать русским чабу и яблоки»²⁰. О выборе в пользу мира с русскими уставших от непрерывных лишений и тирании Шамиля жителей Дагестана говорит и другой близкий имаму автор, Абдурахман ал-Газигумуки: «...каждая личность из различных горских народов с их многочисленными языками, независимо от того, ра'ис он или простой, знатный или незнатный, - [все они] обращаются к русским, отказываясь от дела, которое было возложено на них первым имамом Дагестана, павшим в борьбе с русскими Газимухаммедом ал-Гимрави, [и которое было продолжено] третьим имамом Шамилём – его соучеником в знании, благородстве и священной борьбе...»²¹. Сюжеты, прославляющие дружбу и побратимство как предпочтительные альтернативы воинскому подвигу, можно

---

¹⁸ Лермонтов 1990. С. 590.

¹⁹ Бенкендорф 2000. С. 365, 367.

²⁰ ал-Карахи, 1926. С. 56.

²¹ Абдурахман ал-Газигумуки, 2002. С. 46.

встретить в горском фольклоре, например, в «Илли об Ахмаде Автуринском», где казак станичный и чеченец «Кунаками стали / Два героя наши. / И за эту дружбу / Мы поднимем чаши – / Пусть живёт счастливо / Среди гор чеченских / Ахмад Автуринский!»²².

Весьма любопытны размышления о наличии этнической комплиментарности. Впервые эту проблему обозначила не академическая наука, а русская литература. Один из персонажей довольно фотогеничного в отражении северокавказских реалий произведения Е.П. Лачиновой «Проделки на Кавказе» черкес Пшемаф – «молодой горец, воспитанный в одном из кадетских корпусов и выпущенный в офицеры» – так объяснял свою симпатию к русским: «Русские для меня более чем родные: они меня воспитали, они меня кормят и не делают различия между мною и природными русскими»²³. В свою очередь его визави А.П. Пустогородов не менее восторжен: «Возьмите черкеса, разберите его как человека – что это за семьянин! Как набожен! Он не знает отступничества, несмотря на тяжкие обряды своей веры. Как он трезв, целомудрен, скромнен в своих потребностях и желаниях, как верен в дружбе, как почитателен к духовенству, к старикам и родителям! О храбрости нечего и говорить, она слишком известна»²⁴. Автор этого произведения достаточно точно передаёт, пусть и не без преувеличений, определённые стереотипы этнического восприятия, которые существовали тогда в русском и горских обществах²⁵.

Конечно, в условиях военного противостояния отношения, основанные на взаимной симпатии, не могли доминировать, хотя и встречались достаточно часто. Возникали они преимущественно среди людей, порождённых пограничьем, для которых ситуация «мир-война» стала обыденностью. Ментальная раздвоенность, мировоззренческая гибкость людей фронта вызывают интерес у исследователей²⁶.

Массовый исход значительной части горского населения с территории Кавказа в Турцию во второй половине XIX в. объясняется тем, что обе стороны не пожелали поступиться своим миропорядком²⁷. Возможно, при благоприятных внешнеполитических факторах у державной власти был бы необходимый лимит времени для адаптации «горского мира» к своим порядкам, как это уже было с народами (например, татарами), которые первоначально выступали в качестве геополитических соперников, но потом достаточно органично влились в «россий-

---

²² Антология, 1981. С. 48.

²³ Хамар-Дабанов 1986. С. 77, 144.

²⁴ Там же. С. 131.

²⁵ Вейденбаум 1901. С. 308, 315.

²⁶ Ходарковский 2016; Дударев 2016.

²⁷ Тихомиров 2000. С. 130.

скую семью». Но в ожидании новой европейской войны такой вариант развития событий не был реализован. Оценить перспективы, которые представляла им российскость, горцы-мухаджиры просто не успели.

В ходе вооружённого противостояния было немало поводов, чтобы, опираясь на коллективный исторический и личный опыт, обзавестись этническими фобиями. Но ситуация в пограничье, при всём трагизме развернувшегося здесь противоборства, никогда не разводила его участников в непримиримые лагерь, оставляя возможность приобщиться к миру «иною». Абстрактный образ народа-врага не распространялся на конкретного его представителя, с которым могли завязаться дружеские отношения. И если на уровне групповых интересов разногласия нередко не позволяли выстраивать диалог, то в личной социальной практике межкультурная коммуникация сохранялась постоянно, причём социокультурный код одного этноса переводился на культурный код другого²⁸. «Другой» мог быть представителем иною этноса, но по своим культурно-нравственным приоритетам оказывался «своим»²⁹.

По мере прекращения вооружённого противостояния и появления в регионе новых переселенцев из других частей империи открывались перспективы для культурного сближения между ними и автохтонными народами. В воспоминаниях Н.С. Семенова, который, посетив по долгу службы немало горских селений на Северо-Восточном Кавказе, завёл кунаков среди чеченцев, имеется много примеров конструктивных и взаимовыгодных контактов. Его очерк «День в ауле» (1869) наполнен картинками мирной и размеренной жизни, хотя сам автор и далёк от идеализации таких отношений, им показаны также примеры откровенной неприязни и даже враждебности. Недавнее вооружённое противостояние не могло не оставить свой след в характере взаимных восприятий сторонами межкультурного диалога³⁰. Аналогичные размышления мы видим и у другого автора, чеченца У. Лаудаева, который постарался показать изменения, произошедшие с его сородичами в результате выстраивания взаимовыгодного диалога с русскими³¹.

Такие наблюдения можно экстраполировать и на другие народы региона. Схожие изменения мы видим у осетин, активно включившихся в модернизационные процессы, которые переживал не только Кавказ, но и вся Россия³². Налицо была «революция потребностей», которая повлекла за собой и изменения в мировоззренческих особенностях местных жителей. Но интерес к «роскошествовам», на благотворное вли-

---

²⁸ Булыгина 2011. С. 60-61.

²⁹ Репина 2012. С. 17.

³⁰ Виноградов 2002.

³¹ Лаудаев 1872. С. 3-8.

³² Айларова 1990. С. 95-109.

яние которых на нравы туземцев так уповали мыслители второй половины XVIII – первой половины XIX в., оказался далеко не панацеей³³.

Находясь в едином пространстве в условиях мирной повседневности, русские и горцы узнавали друг о друге гораздо больше, особенно в городах, где процесс межкультурной коммуникации происходил гораздо интенсивнее³⁴. Здесь причудливо переплетались этнические традиции и универсальные элементы модерна³⁵.

С каждым мирным десятилетием становилось всё очевиднее, что возможности государства по формированию «семьи народов» с общими ценностями и межэтническими симпатиями далеко не безграничны. Добившись прекращения вооружённой борьбы на Северном Кавказе, внешне могущественные институты власти были неспособны влиять на фобии, имевшиеся как между русскими и горцами, так и во внутригорских взаимоотношениях. «Левиафан» мог не допустить крайних форм неприязни, но пасовал перед накалом межэтнической конкуренции. Разместив по соседству самые разные народы, создав им условия для мирной деятельности, государство могло лишь надеяться, что со временем они сами сформируют социальную полифонию, а пока лишь пыталось пресекать то и дело возникающие конфликты.

Историческое партнёрство формировалось не только в позитивном, но и в негативном ключе. Новый мир нёс с собой ранее недоступные возможности и искушения. Горцы охотно усваивали «пороки» общества модерна, ломавшие привычные нравственные императивы не менее успешно, чем это делал материальный достаток³⁶. Впрочем, схожие процессы наблюдали, например, в Алжире, где роль культуртрегера выполняла Франция³⁷. Это были «интернациональные» недостатки, присущие процессу взаимодействия архаики и модерна.

При сильной государственной власти горцы активно осваивали мирные источники дохода, но, как только начались социально-политические потрясения начала XX в., часть из них вернулась к прежним методам, основанным на набегах и грабежах³⁸. Новый хозяйственный уклад, который несла на Кавказ Россия, требовал, среди прочего, изменения мировоззренческих установок у местных жителей. Привычные нравственные императивы становились непреодолимым барьером на пути к успеху, а отказаться от них, даже вопреки очевидной выгоде, оказывалось по силам далеко не всем³⁹. Анализируя суть природы насилия

³³ Виноградов, Шейха 1996.

³⁴ Дударев, Клычников 2014. С. 21.

³⁵ Туаева 2008. С. 52-53.

³⁶ Виноградов 2003. С. 85; Карпов, Капустина 2011. С. 58-59.

³⁷ В.А. 1857. С. 9.

³⁸ Клычников 2015. С. 190.

³⁹ Миллер, Ковалевский 1884. С. 543.

на Северном Кавказе в эпоху поздней империи, Л.С. Гагагова отмечает, что местные жители ранее проживали в сегментированном обществе, а в новых условиях кардинально изменилась его структура. Разрушение привычных форм социального взаимодействия было компенсировано усилением этнической солидарности. Данные процессы проходили на фоне обострившейся борьбы за источники существования, что, как представляется, и стимулировало эту трансформацию⁴⁰.

Современники отмечали, что «...горец сильно привязан к родине, подразумевая под эту родину его родной аул, с его жителями», «своим» считался только сосед, живущий в непосредственной близости. Для формирующейся горской интеллигенции ситуация виделась в ином свете. Для неё образ «своего» имел более широкое толкование⁴¹. Роль местных интеллектуалов в выстраивании межкультурного диалога была неоднозначной. Справедливо подмечено, что, «родившись на «стыке культур», на «стыке эпох» (возникающих там, где имеют место контакты между человеческими обществами, находящимися на различных ступенях общественного развития), северокавказская интеллигенция уже в момент генезиса обнаружила многие черты интернациональной социокультурной среды, причём социальный компонент её был «почвен», национален, а культурный складывался в русле интернационализации общественной жизни»⁴². Но, расширив свой кругозор, горская интеллигенция одновременно принялась конструировать этническую историю и артикулировала концепцию национальной идеи, зачастую сводившуюся к необходимости бороться за компенсацию нанесённой в прошлом обиды и восстановление «исторической справедливости». Как подметил один из современников, даже «интеллектуальные дети гор никак не могут оторваться от жизни далёких аулов»⁴³. На данном этапе формирования этнического самосознания конфликтные парадигмы преобладают, создавая впечатление доминирования в прошлом взаимной неприязни и враждебности в отношениях с другими народами. Впрочем, не отрицались и позитивные перспективы, общность интересов.

Очередной этап совместной истории был связан с установлением и развитием советской власти – сложного исторического феномена, оценка которого колеблется от идеализации до демонизации. Отмечая этно-иерархический характер ментальности населения северокавказской окраины, борющиеся за власть большевики разглядели и его готовность найти себя в рамках имперского мироустройства. Как следствие, «совпадение архаичных смыслов в политике большевиков и

---

⁴⁰ Гагагова 2016. С. 147.

⁴¹ Амиров 1873. С. 58, 149.

⁴² Айларова, Кобахидзе 2011. С. 105.

⁴³ Бутбай 1993. С. 22.

практике самоидентификации горских народов тоже стало одной из предпосылок утверждения советской власти на Северном Кавказе». Было предложено то, что по сути и явилось квинтэссенцией российскости – «...создание одинакового с другими народами статуса, единство целей дальнейшего развития, зависимость благополучия народов от сотрудничества, а не от соперничества, поддержка их законом и властью»⁴⁴. Декларируемый идеал соответствовал представлениям об истинной справедливости, хотя на практике эта схема соблюдалась не всегда. Элемент соперничества сохранялся, но, как правило, реализовывался в рамках этатистских ценностей. Формировалась общность – советский народ, у которого явственно начинали обозначаться единые ценностные ориентиры. Впрочем, как показали дальнейшие события, их устойчивость была недостаточной, распад единого государственного пространства повлёк за собой и раскол на мировоззренческом уровне.

В советский период, при всех его издержках и перегибах, горцы получили много преференций. Они ценили российско-советское государство уже за то, что оно снижало градус внутрорегиональных противоречий, выступая в качестве третьей стороны по самым болезненным вопросам, без его участия справиться с имеющимся местечковым антагонизмом оказалось невозможно. Конфликты возникли даже среди сторонников одной коммунистической идеи, но представлявших разные народы. К государству апеллировали, когда речь шла, к примеру, о разрешении «земельного вопроса», традиционно болезненного для края и имевшего этническую специфику. Но для многих это была «любовь по расчёту». Автохтоны, пользуясь различными правами и возможностями, отнюдь не горели желанием мириться с издержками, присущими их новому положению. Латентная неприязнь сохранялась, время от времени прорываясь в виде вооружённого сопротивления и даже, как это было в годы Великой Отечественной войны, коллаборационизма⁴⁵.

В той или иной мере такие настроения сохраняются и поныне. При ослаблении государственных институтов и невозможности получать в прежнем объёме те преимущества, которые предоставлялись ранее, в горской среде начинают звучать идеи о самостоятельном пути развития, о размывании этничности по вине государства, чуждости русской культурной парадигмы и т.п. Отчасти это является элементом политического торга с федеральным центром, отнюдь не свидетельствующим о реальном желании добиться этнической автаркии, издержки от которой начинают ощущать, прежде всего, сами местные жители.

Определённую «усталость» от продолжающегося совместничества могут выражать не только «малые» народы, но и «старший брат».

---

⁴⁴ Суханова 2011. С. 404.

⁴⁵ Клычников 2015. С. 210-247.

Уже в XIX в. звучали слова о том, что «не следует доводить добродушие до забвения интересов русского народа и даже, как это сплошь и рядом на Кавказе бывало, отдавать во всё преимущество туземцам перед своими»⁴⁶. В наши дни особенно заметны такие настроения у наиболее радикально настроенных в политическом плане слоёв населения, охотно откликающихся на лозунг «Хватит кормить Кавказ!», а то и выступающих за сецессию этого региона⁴⁷.

Отметим, что сейчас одной из проблем российской государственности на Северном Кавказе является наличие людей с «символическим капиталом», который даёт образование⁴⁸. Самооценка таких людей высока. Их желания и потребности вступают в противоречие с реальными возможностями их удовлетворения, и это ведёт к нарастанию градуса конфликтности в регионе, справиться с которым власти не удаётся⁴⁹.

Кроме того, нельзя сбрасывать со счетов и возрастную склонность к проявлению агрессии. Любопытно, что сейчас аналогичные процессы мы наблюдаем в Европе, которая столкнулась с массовой молодёжной миграцией с Ближнего Востока и из Африки⁵⁰. И здесь как нельзя кстати пришли идеи исламизма, с которым мы сталкиваемся и на Северном Кавказе. В отличие от российскости, он не приемлет компромисса и сотрудничества и направлен на полное уничтожение «мира иного». Как и мюридизм первой половины XIX века, он является конкурирующей идеологией в борьбе за умы, не останавливающейся перед призывом к физическому устранению оппонентов.

Нельзя отрицать сохранение у части общества открытой или латентной антикавказской позиции, что зачастую связано с неблагоприятными поступками выходцев из этих мест. Оказавшись вдали от «малой родины» и выйдя из-под контроля общественного мнения своих сообществ, некоторые выходцы с юга позволяют себе модели поведения, которые были бы не допустимы и осуждаемы в среде «своих», но выглядят проявлением «молодчества», когда речь идёт о «чужих»⁵¹. И это касается не только отношений с русскими, но и с другими народами⁵². Есть основания говорить о трансформации привычной набеговой практики, которая пережила процесс «реинкарнации», не изменив своей сути⁵³. В такой ситуации удивляться росту кавказофобии не приходится. Учитывая политическую и социокультурную турбулентность исламско-

---

⁴⁶ Зиссерман 1885. С. 280.

⁴⁷ Кавказ 2011... С. 62.

⁴⁸ Дерлугьян 2013. С. 134.

⁴⁹ Клычников 2016. С. 33-34.

⁵⁰ Heinsohn 2006.

⁵¹ Карпов, Капустина 2011. С. 404-405.

⁵² Там же. С. 386-387.

⁵³ Дударев 2011. С. 508-509.

го мира⁵⁴, частью которого являются и многие народы Северного Кавказа, дерусификацию региона, наличие криминальных сообществ, организованных на этнических началах, вероятность внутрirosсийского раскола видится весьма вероятной. Сумеют ли власть и общество найти адекватный ответ на такие вызовы? Представляется, что нужно отказаться от механического калькирования опыта западных демократий, далеко не всегда приемлемого для российских условий.

Историческое партнерство, сложившееся за время многовековой совместной русско-северокавказской истории, было обусловлено, прежде всего, необходимостью приложить совместные усилия, направленные на обеспечение безопасности и купирование неблагоприятных внешних вызовов. Такие угрозы изменялись от эпохи к эпохе (от разрушительных набегов Крымского ханства до угроз международного терроризма), но оставались силой, способной повлечь серьёзное ослабление, а возможно, и физическое устранение его участников. Их эффективная нейтрализация была возможна лишь совместными усилиями. Помимо решения общих политических задач, возникла заинтересованность в хозяйственных связях, усилилось взаимовлияние в культурной сфере. Эти процессы имели позитивный синергетический эффект и были выгодны для всех участников взаимоотношений.

Но далеко не всегда побеждала готовность пойти на уступки, отказаться от некоторых элементов своей самобытности, неприемлемых для противоположной стороны. Это приводило к трагическим последствиям, например, к вооружённому противостоянию части горских обществ с Россией в первой половине XIX в. и последовавшему вслед за этим мухаджирству. Но даже при всех потерях, понесённых участниками противостояния, эти события не свидетельствовали о неспособности к созданию жизнеспособного полиэтничного сообщества. Об этом говорит сохранившееся государственное единство, выдержавшее испытание социальными и военными катаклизмами прошлого столетия.

Предлагаемая российской государственностью форма объединения не предусматривала насильственную аккультурацию или ассимиляцию. В рамках возникшей общности сохранялась конкуренция, способная нести угрозу самому факту единства. Присутствовала и присутствует практика добиваться особых преференций для того или иного государственного субъекта, а фактически конкретного этноса. Эту неотъемлемую сторону партнёрства-совместничества необходимо учитывать при анализе дальнейших перспектив российскости. То, что народам России в значительной степени удалось преодолеть последствия катастрофического по своим результатам кризиса конца XX – начала XXI в., внушает оптимизм, но не даёт оснований для самоуспокоения.

⁵⁴ Сатановский 2012; Багдасаров 2016.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Амиров Г.-М. Среди горцев Северного Дагестана (из дневника гимназиста) // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1873. Вып.7. С. 1-80.
- Антология чечено-ингушской поэзии. Грозный: Чечено-Ингушское кн. изд-во, 1981. 464 с.
- Бенкендорф К.К. Воспоминания. 1845 // Осада Кавказа. Воспоминания Участников Кавказской войны XIX века. СПб: Изд-во журнала «Звезда», 2000. С. 330-407.
- Бутбай М. Воспоминания о Кавказе. Записки турецкого разведчика / Пер. с тур. З.М. Буниятова. Махачкала: журнал «Наш Дагестан», 1993. 67 с.
- В.А. Очерки Алжирии. Из записок русского офицера // Современник. 1857. №11. С.1-24.
- Вейденбаум Е.Г. Кавказские этюды. Тифлис, 1901. 320 с.
- Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: Т.1-4. М.: Рус. Яз., 1989-1991. Т.4: Р-V. 1991. 683 с.
- Зиссерман А.Л. Двадцать пять лет на Кавказе // Русский архив. 1885. №2. С.273-298.
- Лаудаев У. Чеченское племя // Сб. сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1872. №6. С.1-62.
- Лермонтов М.Ю. Сочинения в двух томах. Т. 2. М.: Правда, 1990. 704 с.
- Миллер В., Ковалевский М. В горских обществах Кабарды // Вестник Европы. 1884. Кн. 4. С. 540-588.
- Мухаммед Тахир ал-Карахи. Три имама // Сборник материалов для описания местностей и племён Кавказа. Махачкала, 1926. Вып.45. С. 53-192.
- Сайид Абдурахман, сын Джамалуддина ал-Хусайни ал-Газигумуки ад Дагестани. Краткое изложение подробного описания дел имама Шамиля / Пер. с араб., введ., коммент., указ. Н.А. Тагировой. М.: Восточная литература, 2002. 318 с.
- Тихомиров Л.А. Тени прошлого. Воспоминания / Сост., вступ. ст. и примеч. М.Б. Смолин; Оформл. Д.Е. Бикашов. М.: Изд-во журнала «Москва», 2000. 720 с.
- Айларова С.А. Особенности социально-экономического развития горских народов в конце XIX в. и работа А.Г. Ардашенова «Переходное состояние горцев Северного Кавказа» // Россия и Северный Кавказ (проблемы историко-культурного единства). Грозный, 1990. С. 95-109.
- Айларова С.А., Кобахидзе Е.А. «Будущие дети России...»: Проблема интеграции в административной практике и общественном сознании (Центральный Кавказ конца XVIII – начала XX вв.). Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2011. 391 с.
- Багдасаров С.А. Ближний Восток: вечный конфликт. М.: Изд-во «Э», 2016. 288 с.
- Барретт Т.М. Линии неопределённости: северокавказский «фронт» России // Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Императорский период: Антология / Сост. М. Дэвид-Фокс. Самара: Изд. «Самарский университет», 2000. С. 163-194.
- Булыгина Т.А. Понятие границы и «Другого» в поликультурном пространстве в текстах Ю.М. Лотмана // Образ «Другого» в поликультурных обществах. Пятигорск – Ставрополь – Москва: ПГЛУ, 2011. С. 58-62.
- Великая Н.Н. Российскость как парадигма изучения российско-кавказского единства // Актуальные и дискуссионные проблемы истории Северного Кавказа. Южнороссийское обозрение. № 45. 2007. Посвящается 100-летию со дня рождения академика АН СССР А.Л. Нарочницкого / Отв. ред. В.В. Черноус. Ростов Н/Д, 2007. С. 74-84.
- Виноградов В.Б. «Российскость» как парадигма северокавказского историко-культурного единства в составе России // Российский Северный Кавказ: факты, события, люди / Под ред. С.Л. Дударева. Москва-Армавир, 2006. С. 4-12.
- Виноградов В.Б. Н.С. Семенов и его очерк «День в ауле» 1869 года / Под ред. С.Л. Дударева. Армавир, 2002. 24 с.
- Виноградов В.Б. Страницы истории Средней Кубани. Армавир, 1993. 104 с.
- Виноградов В.Б., Шейха А. Кавказ в передовой общественно-политической мысли России (вторая половина XVIII – первая треть XIX вв.). Армавир-Грозный, 1996. 63 с.
- Виноградов П.Б. Страницы истории развития здравоохранения Чечено-Ингушетии в 1917-1937 годах / Под ред. В.Б. Виноградова. Тверь: «РТС-Импульс», 2003. 192 с.
- Гарунова Н.Н. Российские города-крепости в контексте политики России на Северо-Восточном Кавказе в XVIII – первой половине XIX в.: проблемы политической, экономической и культурной интеграции. Махачкала, 2007. 275 с.

- Гатагова Л.С. Северный Кавказ в эпоху поздней империи: природа насилия. 1860-1971. М.: Новый хронограф, 2016. 448 с.
- Гудаков В.В. Северо-Западный Кавказ в системе межэтнических отношений с древнейших времён до 60-х годов XIX века. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2007. 565 с.
- Дерлугьян Г. Как устроен этот мир. Наброски на макросоциологические темы. М.: Изд-во института Гайдара, 2013. 384 с.
- Дударев С.Л. Ещё раз о российскости // Проблемы интеграции этнических сообществ в состав российского государства и пути их решения (на примере Северного Кавказа). Армавир: Дизайн студия Б, 2014. С. 25-35.
- Дударев С.Л. Об одном примере западного взгляда на историю интеграции Северного Кавказа в состав России / отв. ред. Ю.Ю. Клычников // Известия научно-педагогической Кавказоведческой Школы В.Б. Виноградова. Вып. 5. Ставрополь: Дизайн-студия Б, 2016. 32 с.
- Дударев С.Л. Трудными дорогами совместничества (книга-размышление) // Сборник научных работ Сергея Леонидовича Дударева: статьи, материалы, рецензии. К 60-летию со дня рождения. М.: Илекса, 2011. С. 466-512.
- Дударев С.Л. Школа В.Б. Виноградова: истоки, этапы, идеи // Материалы заседания, посвященного 30-летию научно-творческой, педагогической и общественной деятельности Школы академика В.Б. Виноградова. Армавир, 1994. С. 8-15.
- Дударев С.Л., Клычников Ю.Ю. Города как пространство социокультурной адаптации населения Северного Кавказа в процессе осуществления российского модернизационного проекта / Под ред. С.Н. Ктиторова. Пятигорск: ПГЛУ, 2014. 73 с.
- Историческая наука сегодня: Теории, методы, перспективы / Под ред. Л.П. Репиной. М.: ЛКИ, 2012. 608 с.
- Кавказ 2011. Русский взгляд. М.: Фонд РОД, 2011. 64 с.
- Карпов Ю.Ю., Капустина Е.Л. Горцы после гор. Миграционные процессы в Дагестане в XX – начале XXI века: их социальные и этнокультурные последствия и перспективы. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2011. 448 с.
- Клычников Ю.Ю. О перспективах дефиниции «российскость» // Вопросы южнороссийской истории / Под ред. С.Н. Ктиторова. Армавир, 2011. Вып.17. С. 125-126.
- Клычников Ю.Ю. Российская государственность и северокавказская архаика: В поисках преодоления противоречий (XVIII – начало XXI в.). М.: ЛЕНАНД, 2015. 368 с.
- Клычников Ю.Ю. Северный Кавказ: старые проблемы в новом измерении (Историко-политологические очерки) / Под ред. С.Л. Дударева. Пятигорск: ПГЛУ, 2016. 99 с.
- Матвеев В.А. Российская универсалистская трансформация и сепаратизм на Северном Кавказе (вторая половина XIX – 1917 г.) Ростов н/Д, 2011. 448 с.
- Матвеев В.А. Россия и Северный Кавказ: исторические особенности формирования государственного единства (вторая половина XIX – начало XX в.). Ростов н/Д, 2006. 256 с.
- Муртузалиев С.И. Кавказцы в контексте формирования национальной идентичности россиян // Образ «Другого» в поликультурных обществах. 2011. С. 274-278.
- Никонов В.А. Российская матрица. М.: ООО «Русское слово – учебник», 2014. 992 с.
- Репина Л.П. «Национальный характер» и «образ Другого» // Диалог со временем. 2012. Вып. 39. С. 9-19.
- Сатановский Е.Я. Россия и Ближний Восток. Котёл с неприятностями. М.: Эксмо, 2012. 384 с.
- Северный Кавказ в составе Российской империи. М.: НЛЮ, 2007. 460 с.
- Скорик А.П., Цыбульникова А.А., Гарунова Н.Н. Деконструкция межэтнического диалога студенчества: аналитика и материалы кросс-культурного социологического исследования. Махачкала: АЛЕФ, 2014. 134 с.
- Суханова Н.И. Большевики на Северном Кавказе в 1917-1918 гг.: поиски рычагов вовлечения горцев в советскую государственность // Образ «Другого» в поликультурных обществах. Пятигорск – Ставрополь – Москва: ПГЛУ, 2011. С. 399-404.
- Тишков В.А. Российский народ: история и смысл национального самосознания. М.: Наука, 2013. 649 с.
- Хамар-Дабанов Е. Прodelки на Кавказе. Ставрополь: Кн. изд-во, 1986. 265 с.

- Туаева Б.В. Города Северного Кавказа: общественно-культурная среда во второй половине XIX – начале XX в. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2008. 204 с.
- Ходарковский М. Горький выбор: верность и предательство в эпоху российского завоевания Северного Кавказа / авториз. пер. с англ. А. Терещенко. М.: НЛЮ, 2016. 232 с.
- Heinsohn G. Söhne und Weltmacht: Terror im Aufstieg und Fall der Nationen. Berlin: PDF4eBook-Verlag, 2006. 189 s.

REFERENCES

- Ajlarova S.A. Osobennosti social'no-ehkonomicheskogo razvitiya gorskih narodov v konce XIX v. i rabota A.G. Ardasenova «Perekhodnoe sostoyanie gorcev Severnogo Kavkaza» // Rossiya i Severnyj Kavkaz (problemy istoriko-kul'turnogo edinstva). Groznyj, 1990. S. 95-109.
- Ajlarova S.A., Kobahidze E.A. «Budushchie deti Rossii...»: Problema integracii v administrativnoj praktike i obshchestvennom soznanii (Central'nyj Kavkaz konca XVIII – nachala XX v.). Vladikavkaz: IPO SOIGSI, 2011. 391 s.
- Bagdasarov S.A. Blizhnij Vostok: vechnyj konflikt. M.: Izdatel'stvo «EH», 2016. 288 s.
- Barrett T.M. Linni neopredelyonnosti: severokavkazskij «frontir» Rossii // Amerikanskaya rusistika: Vekhi istoriografii poslednih let. Imperatorskij period: Antologiya / Sost. M. Dehvid-Foks. Samara: Izd-vo «Samarskij universitet», 2000. S. 163-194.
- Bulygina T.A. Ponyatie granicy i «Drugogo» v polikul'turnom prostranstve v tekstah YU.M. Lotmana // Obraz «Drugogo» v polikul'turnyh obshchestvah. Pyatigorsk – Stavropol' – Moskva: PGLU, 2011. S. 58-62.
- Velikaya N.N. Rossijskost' kak paradigma izucheniya rossijsko-kavkazskogo edinstva // Aktual'nye i diskussionnye problemy istorii Severnogo Kavkaza. YUzhnorossijskoe obozrenie. №45. 2007. Posvyashchaetsya 100-letiyu so dnya rozhdeniya akademika AN SSSR A.L. Narochnickogo / Otv. red. V.V. Chernous. Rostov N/D, 2007. S. 74-84.
- Vinogradov V.B. «Rossijskost'» kak paradigma severokavkazskogo istoriko-kul'turnogo edinstva v sostave Rossii // Rossijskij Severnyj Kavkaz: fakty, sobytiya, lyudi. Kniga regionovedcheskikh statej, ocherkov i zarisovok / Pod red. S.L. Dudareva. M.-Armavir, 2006. S. 4-12.
- Vinogradov V.B. N.S. Semenov i ego ocherk «Den' v aule» 1869 goda / Pod red. S.L. Dudareva. Armavir, 2002. 24 s.
- Vinogradov V.B. Stranicy istorii Srednej Kubani. Armavir, 1993. 104 s.
- Vinogradov V.B., SHEjha A. Kavkaz v peredovoj obshchestvenno-politicheskoj mysli Rossii (vtoraya polovina XVIII – pervaya tret' XIX v.). Armavir-Groznyj, 1996. 63 s.
- Vinogradov P.B. Stranicy istorii razvitiya zdoravoohraneniya CHEcheno-Ingushetii v 1917-1937 godah / Pod redakciej i s posleslov. V.B. Vinogradova. Tver': «RTS-Impuls», 2003. 192 s.
- Garunova N.N. Rossijskie goroda-kreposti v kontekste politiki Rossii na Severo-Vostochnom Kavkaze v XVIII – pervoj polovine XIX v.: problemy politicheskoj, ehkonomicheskoi i kul'turnoj integracii. Mahachkala, 2007. 275 s.
- Galatova L.S. Severnyj Kavkaz v ehphu pozdnej imperii: priroda nasiliya. 1860-1971. M.: Novyj hronograf, 2016. 448 s.
- Gudakov V.V. Severo-Zapadnyj Kavkaz v sisteme mezhehtnicheskikh otoshenij s drevnejših vremyon do 60-h godov XIX veka. SPb.: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2007. 565 s.
- Derlug'yan G. Kak ustroen ehtot mir. Nabroski na makrosociologicheskie temy. M.: Izd-vo instituta Gajdara, 2013. 384 s.
- Dudarev S.L. Eshchyo raz o rossijskosti // Problemy integracii ehtnicheskikh soobshchestv v sostav rossijskogo gosudarstva i puti ih resheniya (na primere Severnogo Kavkaza). Armavir: Dizajn studiya B, 2014. S.25-35.
- Dudarev S.L. Ob odnom primere zapadnogo vzglyada na istoriyu integracii Severnogo Kavkaza v sostav Rossii / otv. red. YU.YU. Klychnikov // Izvestiya nauchno-pedagogicheskoi Kavkazovedcheskoj SHkoly V.B. Vinogradova. Vyp. 5. Stavropol': Dizajn-studiya B, 2016. 32 s.
- Dudarev S.L. Trudnymi dorogami sovместничества (kniga-razmyshlenie) // Sbornik nauchnyh rabot Sergeya Leonidovicha Dudareva: stat'i, materialy, recenzii. K 60-letiyu so dnya rozhdeniya. M.: Ileksa, 2011. S.466-512.
- Dudarev S.L. SHkola V.B. Vinogradova: istoki, ehtapy, idei // Materialy zasedaniya, posvyashchennogo 30-letiyu nauchno-tvorcheskoj, pedagogicheskoi i obshchestvennoj deyatelnosti SHkoly akademika V.B. Vinogradova. Armavir, 1994. S. 8-15.

- Dudarev S.L., Klychnikov YU.YU. Goroda kak prostranstvo sociokul'turnoj adaptacii naseleniya Severnogo Kavkaza v processe osushchestvleniya rossijskogo modernizacionnogo proekta / Pod red. S.N. Ktitorova. Pyatigorsk: PGLU, 2014. 73 s.
- Istoricheskaya nauka segodnya: Teorii, metody, perspektivy / Pod red. L.P. Repinoj. M.: LKI, 2012. 608 s.
- Kavkaz 2011. Russkij vzglyad. M.: Fond ROD, 2011. 64 s.
- Karpov YU.YU., Kapustina E.L. Gorcy posle gor. Migracionnye processy v Dagestane v HKH – nachale XXI veka: ih social'nye i etnokul'turnye posledstviya i perspektivy. Spb.: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2011. 448 s.
- Klychnikov YU.YU. O perspektivah definicii «rossijskost'» // Voprosy yuzhnorossijskoj istorii / Pod red. S.N. Ktitorova. Armavir, 2011. Vyp.17. S. 125-126.
- Klychnikov YU.YU. Rossijskaya gosudarstvennost' i severokavkazskaya arhaika: V poiskah preodoleniya protivorechij (XVIII – nachalo XXI v.). M.: LENAND, 2015. 368 s.
- Klychnikov YU.YU. Severnyj Kavkaz: starye problemy v novom izmerenii (Istoriko-politologicheskie ocherki) / Pod red. S.L. Dudareva. Pyatigorsk: PGLU, 2016. 99 s.
- Matveev V.A. Rossijskaya universalistskaya transformacija i separatizm na Severnom Kavkaze (vtoraya polovina XIX – 1917 g.) Rostov n/D, 2011. 448 s.
- Matveev V.A. Rossiya i Severnyj Kavkaz: istoricheskie osobennosti formirovaniya gosudarstvennogo edinstva (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.). Rostov n/D, 2006. 256 s.
- Murtuzaliev S.I. Kavkazcy v kontekste formirovaniya nacional'noj identichnosti rossijan // Obraz «Drugogo» v polikul'turnyh obshchestvah. PGLU, 2011. S. 274-278.
- Nikonov V.A. Rossijskaya matrica. M.: OOO «Russkoe slovo – uchebnik», 2014. 992 s.
- Repina L.P. «Nacional'nyj karakter» i «obraz Drugogo» // Dialog so vremenem. 2012. Vyp. 39. S. 9-19.
- Satanovskij E.YA. Rossiya i Blizhnij Vostok. Kotyol s nepriyatnostyami. M.: Eksmo, 2012. 384 s.
- Severnyj Kavkaz v sostave Rossijskoj imperii. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2007. 460 s.
- Skorik A.P., Cybul'nikova A.A., Garunova N.N. Dekonstrukcija mezhehtniche-skogo dialoga studenchestva: analitika i materialy kross-kul'turnogo sociologicheskogo issledovaniya. Mahachkala: ALEF, 2014. 134 s.
- Suhanova N.I. Bol'sheviki na Severnom Kavkaze v 1917-1918 gg.: poiski rychagov vovlecheniya gorcev v sovetskuyu gosudarstvennost' // Obraz «Drugogo» v polikul'turnyh obshchestvah. Pyatigorsk – Stavropol' – Moskva: PGLU, 2011. S.399-404.
- Tishkov V.A. Rossijskij narod: istoriya i smysl nacional'nogo samosoznaniya. M.: Nauka, 2013. 649 s.
- Tuaeva B.V. Goroda Severnogo Kavkaza: obshchestvenno-kul'turnaya sreda vo vtoroj polovine XIX – nachale XX v. Vladikavkaz: IPO SOIGSI, 2008. 204 s.
- Намар-Дабанов Е. Прodelки на Kavkaze. Stavropol': Kn. izd-vo, 1986. 265 s.
- Hodarkovskij M. Gor'kij vybor: vernost' i predatel'stvo v ehpuh rossijskogo zavoevaniya Severnogo Kavkaza / avtorizovannyj per. s angl. A. Tereshchenko. M.: NLO, 2016. 232 s.

Клyчникoв Юрyй Юрьевич, доктор исторических наук, профессор, Пятигорский государственный университет; klichnikov@mail.ru

Russian and North-Caucasian relations through Russianness: peculiarities of a historical partnership

The article examines the issues of building a historical partnership on the example of Russian-North Caucasian relations. Different sides of cooperation-rivalry are shown (both facts of mutual sympathy and negative aspects of relationships) that determined the face of this multifaceted interethnic symbiosis. The role of the state, society, individuals in this process is evaluated. The author's conclusions are based on a retrospective analysis with access to contemporary events.

Keywords: state, highlanders, cooperation, rivalry, self-consciousness, conflict, culture, communication

Yriy Klychnikov, Dr. Sc. (History), Professor, Pyatigorsk State University; klichnikov@mail.ru